

# Руслан Сидоров

\*\*\*

Только море способно взглянуть  
в лицо небу.

Иосиф Бродский

Я на коне не скакал ни разу.  
Не водил мотоцикла, автомобиля.  
И хотя были приятны глазу  
горы — не с теми, кто восходил, я.  
И только реки меня носили,  
нам по пути: сверху вниз стекали.  
Уж сколько силы у рек России —  
а вниз, что поделать — судьба такая.  
Кому-то кони, автомобили,  
кому-то горные эмпиреи,  
кому-то счастливое: «Жили-были...»  
А мне бы морем стать поскорее.

\*\*\*

Снег идет, потихоньку идет, и день  
потихоньку проходит. Часы везде  
равномерны, но своенравный стук  
сердца мерит мирным свою версту.  
Из надмирья сыплет песком воды.  
Там свои счета, здесь свои следы —  
бело-рваной нитью прошита связь.  
В непрожитой этой никто не свят —  
по снегам ходить, по воде писать.  
Ничего нельзя никому сказать,  
что бы было правдой наверняка...  
Снег идет, как шел до того века.

\*\*\*

Пережду с котомкой под кустом.  
Что мне до потомков, до потом?  
Мне сейчас бы разобраться, здесь,  
что это — уродом меж людей.  
Кто они — вершащие дела,  
одноклассники — теперь какой их класс?  
Коль уродство — каинова меть,  
маяться ль, что так мне не суметь?  
Каяться ль? Изначить душу вкривь  
эвфонией эвфемичных рифм?  
Петь дельца паучий путь-прогресс?  
Петь Тельца и в пальцах пальцы греть?  
Нет. Сорочьих строк не сладок треск.  
Мне иной — козырный — интерес.  
«Медь звенящая, бряцающий кимвал...»  
Месть насмешек не страшной похвал.  
...Запеку картошки под кустом,  
не пойду попутчиком в потом.

## СОНЕТ

Меж серых изб и неба цвета серы  
мне видится невидимый зазор:  
уйти от рифмы зрительной «позор»  
и рифмы вкривь неправильной «Расея»,  
где (без кавычек) любя, надя, вера  
прошлись по жизни поступью босой,  
свежи, чисты, но это ли не сон?  
Не пачкали, как в холле пионеры.  
Гармония?.. Раз – грязная изба.  
Два – треснутое желтое окошко...  
Гармония? Здесь даже нет гармошки.  
Я на губе играю, и судьба  
фальшивит жизнь, которой так немножко,  
и слышится неслышная труба.

\*\*\*

Я не видел Альп и Гималаев,  
Каракум не видел и Сахары.  
Под окном моя цепная лает –  
просит белый сахарный сухарик.  
За оградой банька с огородом,  
под которым пряткая речушка.  
Не гулял я Римом благородным  
и французской кухни не расчуhal.  
Не купался в Средиземном море,  
слышал звон: Гавайи и Багамы.  
Червячка сморивши «Беломором»,  
научался нищим жить богато.  
Для чего так жить? Ответа нету.  
Книжный шкаф – Вергилий и Сусанин –  
в ночь ведет меня по белу свету  
и от света черного спасает.

\*\*\*

Я вспомнил детство и отца...  
Есенина зеленый томик  
читает, курит без конца.  
Зубами скрипнет – и на столике  
отложит книгу. Посидит,  
ладонями лицо закрывши...  
Мне было года два, поди,  
но вот глаза закрою – вижу.  
И первая любовь к стихам  
моя, конечно же, Есенин.  
На розовом коне скакал  
под кущею зеленой сени  
годов, наверное, с восьми –  
сейчас уже не помню точно.

.....

.....

Прошли года... Сейчас и здесь  
уже ни в чем врага не вижу,  
но я наполовину есть –  
из этой, самой первой, книжки.  
И... хорошо. Спасибо, жизнь!  
Тобой недаром был корежен.  
Заканчивая ностальжи,  
Вас процитирую, Сережа:  
«Вот и себя я не сберег  
Для тихой жизни, для улыбок.  
Так мало пройдено дорог,  
Так много сделано ошибок...»

\*\*\*

Писать о том, что знаешь: о дождях,  
напитках алкогольных и горячих,  
о том, как покидают, не дожидаясь, —  
что знаешь то, что ничего не значит.  
О том, что ты из жизни прочитал,  
усвоил и теперь своим считаешь,  
о том, что жил бы этак или так...  
Как было нужно — до смерти не знаешь.  
О том, что врешь, «не знаю» говоря,  
о зависти, о подлости, о слове,  
о том, что день грядущий мне готовит  
языческую бедность словаря.  
О безднах, разделяющих людей,  
о небесах, для большинства молчащих,  
о том, что можно быть счастливым здесь,  
о даре жизнь раздаривать несчастьям  
ради письма вилами по воде.

\*\*\*

Коль красоты я не достиг,  
красивости пора забросить  
и перейти на тот язык,  
что беден, как октябрь. Осень  
давно классический пример  
(смотри А. С.) для стихотворства.  
Прозрачный и холодный воздух,  
и рядом красота и смерть.  
Писать, что вижу и живу,  
заметки на ветру и раны.  
Быть глуповат, как Голливуд,  
и прям, как луч, и прост, как правда.  
Пусть кто-то скажет: не стихи...  
Но боль не жмет: ни так, ни в рифму.  
Кто жил на хлебе с маргарином,  
тот и в гурманстве слов не хитр.

\*\*\*

Идешь, собачий лай минует.  
В лицо кусается зима.  
И одесную и ошую —  
одноочитые дома.  
Темно. И вкусно пахнет снегом,  
негородским и молодым.  
Из труб, искрясь, уходит в небо,  
как детство, первобытный дым.  
Днем скудно. Ночью слух и запах  
славянофильствуют, служа  
воображению, и запад  
зарезан месяцем ножа.  
Земля Сибири не Расея,  
но небо общее — прикинь! —  
ведь это Крюев и Есенин  
швыряют с Млечного снежки.  
Попали. Воротник от снега  
отряхиваю и, смехок  
в душе упрятавши, снежок,  
как детство, возвращаю в небо.



© Соколов

Перекур на газовом баллоне на улице 1 Мая. Новокузнецк. 24.07.1983



Молодая вдова на автобусной остановке «Улица Горноспасательная». Новокузнецк. 27.04.1988